

ИСТОРИЯ эта началась двести пятьдесят лет назад, когда католический священник падре Хуан Коледон отправился к гористым берегам Перу, чтобы отыскать легендарные изумрудные копи и за одно обратить в святою католическую веру диких аборигенов тех мест — индейцев чикальев. Отчаянный священник погиб от индейской стрелы, вырезанной из древесины пальмы чонта. В складках его сутаны нашли короткое послание и мешочек с сияющими изумрудами, которые индейцы называли «зеленым льдом». В те времена, как и теперь, фунт изумрудов стоил двенадцать миллионов долларов, а в мешочке Коледона на них было около полупунта...

Потомки считали погибшего священника человеком правдивым, и оставленные им сведения искушали многих, отважившихся пуститься по его следам. «Солдаты судьбы», как называли бандитов и авантюристов, в поте лица царапали перуанскую землю и погибали в поисках сказочных богатств, не дававшихся в руки.

«...По причине исключительных трудностей и опасностей,— пишет Коледон в своих записках,— приостановите раскопки здесь...» Но что это были за трудности и опасности? Где именно нужно было приостановить раскопки? На это он ответа не дал.

Закончилась вторая мировая война. Вернулись на свои базы корабли американского военно-морского флота. В Сан-Диего, крупнейшей базе флота на Тихом океане, с Кораллового моря пришел военный транспорт «Либерти», и с его борта на берег сошли три демобилизованных моряка, три друга — Роберт Балейнтайн, Джек Паулис и Сэнди Клеменс.

В первый же вечер, проведенный на берегу в полуутомленном баре, друзья решили вложить свои сбережения в золотой приспик в мексиканских горах Сьерра Мадре.

За два года тяжелых лишений они все же накопили золотого песка и зерен на сто пять тысяч долларов. Этого показалось мало.

Три моряка отправились в Панаму, где на протяжении двух сезонов занимались ловлей жемчужных раковин. Они не нашли там много жемчуга и вскоре перебрались в Канаду, где в густых лесах Калгари занялись поисками урана.

Прошло шесть лет, и к весне 1951 года сумма их общих накоплений достигла двухсот пятидесяти тысяч долларов. И им везло — они оставались физически здоровыми и крепкими людьми. Теперь, собираясь перебраться в Сиэтль, они мечтали поставить себя чему-нибудь более приятному и уж во всяком случае не такому опасному, как бесконечные скитания по диким лесам и горам. Все это они обсуждали однажды ночью на аэродроме Кабо Флатори, в ожидании самолета, который должен был доставить их в Сиэтль.

— Теперь те, у кого есть деньги, строят дома. Что ты думаешь об этом? — спросил Балейнтайн у Клеменса.

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

— Хорошо, — сказал тот, поглаживая бороду и медленно цедя слова. — Я все же не вижу причин оставлять путь, по которому мышли до сих пор.

— Это верно! — с энтузиазмом воскликнул Паулис. — Не вспомнили ли о сокровищах Коледона в Перу?

— Перуанское правительство отрежет тебе уши, если ты захочешь украдь у него изумруды, — ответил Балейнтайн.

Разговор об изумрудах в этой компании поднимался не в первый раз. В прошлую зиму Паулис поддерживал знакомство с одним колумбийским рудокопом, который брался провести их тайно к месту, где находились копи Коледона. Конечно, он это соглашался сделать за определенную плату — четвертую часть того, что удастся добыть.